

Проводник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Проводник. Максим Горький

Скучно стало нам – доктору Полканову и мне – шагать второй день по горячему песку берега ленивой Оки, мимо небогатых рязанских полей, под солнцем последних дней мая; слишком усердное в этом году, оно угрожало засухой.

Все наиболее сложные вопросы цивилизации и культуры мы с доктором окончательно решили еще вчера, установив, что пытливый разум человека развяжет все узлы и петли социальной путаницы, разрешит все загадки бытия и, освободив людей из хаоса несчастий, из тьмы недоумения, сделает их богоподобными.

Но когда мы опустошили котомки наших знаний, рассыпав мудрость нашу друг пред другом по дороге цветами слов, – идти нам стало труднее, скучней.

О полдень наткнулись на пастуха; согнав стадо к реке, он, маленький, сухой человек, с жестким рыжим волосом на костях лица, посоветовал нам;

– Вы бы лесом шли, лесом идти – прохладно, лес этот – древний, зовется Муромский, ежели его наискось пройти, прямо в Муром и упрётесь.

Лес непроницаемой синеватой стеною возвышался верстах в трех от берега. Поблагодарив пастуха, пошли межю, сквозь поле ржи; пастух, щелкнув плетью, закричал нам:

– Эй, заплутаетесь вы в лесе! Зайдите в деревню, там есть знающий старик Петр, он вас проводит за малые деньги, за двугривенный.

Зашли в деревню – домов пятнадцать, прижавшихся по скату долины, над игрушечной речкой, торопливо и как будто испуганно вытекавшей из леса.

Благообразный, седобородый Петр, с невеселым взглядом серых глаз, чинил кадку, вставляя в нее дно; он выслушал наше предложение молча, а толстый мужик, наблюдавший за его работой, покуривая трубку, сказал:

– Он вас доставит аккуратно. Это у нас путеводитель самый первый на всю округу. Ему лес известен, как своя борода.

Борода у Петра была не велика, не густа, а сам он был не по-мужицки опрятен и очень солидный, спокойный. Хорошее, мягкое и покорное лицо.

– Ну что ж? – сказал он, отодвинув кадку длинной ногою в лапте. Можно. Благословясь, пойдемте. Полтину – дадите?

Толстый мужик чему-то обрадовался, заговорил оживленнее:

– Полтинник – цена дешевая. Я бы вот за полтинник не пошел, нет! А это человек – знающий. Он вас к ночи доставит в самый, в Муром. Тропой поведешь?

– Тропой, – сказал Петр, вздохнув,

Пошли. Петр, высокий и прямой, с длинным посохом в руке, шагал впереди нас и молчал, точно его не было. На вопросы доктора он отзывался не оглядываясь, кратко и спокойно:

– Ничего. Привыкли. Как сказать? Конечно, плоховато живем.

Когда он сказал: "И мураш привычкой живет" – доктора Полканова обожгло восхищение; он вспомнил Вуда, Леббока, Брема и долго и восторженно говорил о таинственной жизни муравьев, о скромной мудрости русского народа и красноречивой точности его языка.

Входя в лес, Петр снял картуз, перекрестился и объявил нам:

– Вот он начинается, лес!

Проводник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Сначала шли по дороге между стволами мощных сосен, их корни, пересекая глубокий песок, размятый колесами телег, затейливыми изгибами лежали, как серые, мертвые змеи. Пройдя с полверсты, путеводитель наш остановился, поглядел в небо, постучал палкой по стволу дерева и молча круто свернул на тропу, почти незаметную под хвоей и среди каких-то маленьких елочек; захрустели под ногами сухие сосновые шишки, нарушая важную тишину; она очень напоминала внушительное безмолвие древнего храма, в котором давно уже не служат, но еще не иссяк теплый запах ладана и воска. В зеленоватом сумраке, кое-где пронзенном острыми лучами солнца, в золотых лентах стояли бронзовые колонны сосен, покрытые зеленой окисью лишайника, седыми клочьями моха; среди мохнатых лап сверкали синеватые узоры небесного бархата.

Потом, когда вошли глубже в лес, мне показалось, что весь он как-то внезапно и чудесно оживился. Вместо Соловья-разбойника свистели дрозды, было много багряных клестов, крючковатые носы их неумоимо шелушили сосновые шишки, серой мышью бегал по стволам неуловимый поползень, мерно долбил кору дятел, тенькали суетливые синицы, рыжие белки перемахивали по воздуху с кроны на крону, распушив хвосты. И все-таки было так тихо, что даже доктор Полканов догадался: в этой тишине самые умные слова звучали бы неуместно.

- Заяц,- сказал наш путеводитель и вздохнул: - Эх...

Я не заметил зайца. Тропа,- если только она была,- удивляла меня своим капризным характером - иногда, там, где ей следовало бы лежать прямо, она огибала кольцом отдельные группы деревьев, там же, где пред нею деревья стояли плотной стеной и у корней их густо росли кусты черники, она с прямолинейностью, которая казалась мне излишней, лезла сквозь стволы сосен и, невидимая, врзалась в заросли.

- Сейчас должен быть овраг,- предупредил Петр очень тихо.

Версты через две я спросил его:

- Где же овраг?

- Видно, в сторону отошел,- сказал старик и, посмотрев в небо, прибавил:

- Заяц этот...

Доктор Полканов осведомился:

- Мы не заплутались?

- Зачем?-спросил путеводитель.

Но когда начало темнеть, а мы почувствовали себя достаточно усталыми, нам стало ясно: заплутались. Доктор снова вежливо намекнул об этом старику и получил уверенный ответ:

- Я же тут сорок раз ходил. Через версту времени будет просека, ею выйдем на пожар, обойдем его боком и опять в лес, а там и Муром будет видно.

Говоря, он спокойно отмеривал посохом сажени и, не останавливаясь, шагал, отступал пред какими-то невидимыми мне препятствиями и не очень считался с преградами видимыми. Назначенная им "верста времени" растянулась на добрый час пути, просека и пожар тоже, должно быть, "отошли в сторону", не желая показаться нам. Но вот мы вышли на небольшую поляну, серебряная луна висела над нею, освещая кучу обгоревших бревен и среди них-черную обломанную трубу полуразрушенной печи; это было похоже на тщательно и трудолюбиво сделанный рисунок бесталанного художника.

- Я тут бывал,- объявил нам проводник, оглядываясь.- Это - сторожка, лесник жил в ней. Пьяница.

Доктор невесело, но твердо сказал:

- Заблудились.

- Немножко похоже,-осторожно полусогласился старик, сняв картуз, глядя на луну.-

Проводник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Заяц дорогу перебил нам, – пожаловался он. – Круто влево подались мы. Днем – трудно соображать; ночью – звезда пути указывает, а днем небо пустое.

И, тыкая концом палки в головню под ногами, он, вздохнув, добавил:

– На лысой голове и вошь не водится.

Это странное добавление показалось мне излишним. Решили отдохнуть, закусить; сели на черные, отшлифованные дождями бревна; запасливый доктор вынул из котомки хлеб, колбасу, печеные яйца, отвинтил вместительный стаканчик с горлышка фляги, обшитой кожей, налил коньяку и предложил:

– Путеводителю!

Старик, перекрестясь на луну, выпил, – удивился:

– Очень сильный напиток! На ладане настоян или – как?

Потом он долго, молча и усердно жевал колбасу, ел яйца и после третьей рюмки рассказал нам;

– Скрывать не стану, господа ласковые, заплутались мы, куда теперь идти – я не знаю. Сами видите, каков это скушный лес: сосна и сосна, и нет промеж ее никакого различия. Прямо скажу: не люблю я этот лес. А что слава про меня пущена, будто я первый – знаток лесной, так это в насмешку надо мною сделали, по бесстыдству людей, из озорства. Это – напраслина, как я догадываюсь. А начало всему положила обезьяна. Тут, видите, под Елатьмой, жила на даче одна женщина вдовая, из Москвы; с обезьяной жила, и окаянная зверюшка эта сбежала от нее. Сами понимаете: зверь лесной, видит – деревья, думает: "Господи, вот меня назад в Австрию привезли!" И – махнула в окошко, да – в лес, а женщина – плакать по звере, кричит: "Кто ее поймает, тому десять рублей!" Было это давно, лет тридцать назад, в ту пору десять – то рублей – корова, а не то что обыкновенная обезьяна. Вызвался я, в числе прочих, ловить ее да четверо суток и плутал за ней, стервой. Упрям был, и бедность толкала. Лесу этого я тогда обошел не знаю сколько, может, больше сотни верст. Сволочь эту, обезьяну, я скоро приметил, кожу за нею, зову: "Кис – кис; Машка, Машка". А у нее свой характер, она сигает с дерева на дерево, морды корчит мне, дразнит, пищит, как лисенок. Птички ее, подлюю, интересуют, за птичками гоняется, ну, конечно, нашу русскую птичку обезьяне не поймать. При всем моем упрямстве надоела она мне, да и голод морил, ягодой сыт не будешь, а ведь я день и ночь преследую ее – не шутка! Бога молил: "Пошли ты, господи, смерть на нее". Ну, все – таки и она ослабла, подстерег я ее, пакость, на сучке невысоком да палкой и швырнул в нее, свалилась; свалилась, поползала несколько, я её боюсь в руки взять, ударил еще разок, а она мякнула и – готова! Ну ладно, пес тебя дери, думаю; взял, понес ее. С барыней дело у меня ничем кончилось, дала она мне вместо десяти рублей семь гривен: "Дохлая, говорит, мне ее не нужно". А для меня с того времени началась страдная жизнь: церковь ограбят – сейчас меня за шиворот: "Иди, Петруха, ищи воров, ты лес знаешь". Беглый появится, лошадей украдут – опять меня гонят: ищи! Охотники приехали – тоже я провожать их. Так, зиму и лето, и ходил и хожу. Да. А у меня все – таки хозяйство. И всегда меня в понятия; становой, исправник – все кричат: "Ты лес этот знаешь, дурак!" Довели до того, что я сам обманулся, поверил, будто действительно знаю я лес. Иду храбро, а войду и вижу; ничего я не знаю. А сказать людям, что не знаю, – совестно. Счету нет, скольких я людей водил тут. Ученый один из Москвы прибыл, определили меня к нему – показывай! Он для меня, ученый этот, оказался тоже вроде обезьяны, хотя – солидный человек, с бородой. Ходит и ходит, а что ему надо – невозможно понять. Травы нюхает, мычит. Едва довел я его до Карачарова села, откуда Илья Муромец родом, плутали тоже суток трое. Ругается. А мне его, извините, тоже палкой по башке треснуть охота, так надоел он! Нет, очень я не люблю этот лес, большие неприятности растут мне в нем...

Недружелюбно поглядев на черное кольцо деревьев, в котором сидели мы, как на дне ямы, путеводитель наш дополнил свой анекдотический рассказ:

– И к тому же я смолоду близорукий; в даль будто хорошо вижу, а близко – туман. Со стыда всё на зайцев поклепы ввожу, будто зайцы сбивают меня с дороги.

Немного захмелев, он благодушно улыбался серыми глазами а, очищая яйцо, молвил,

Проводник. Максим Горький gorkiymaxim.ru

качнув головою:

- Перед зайцами я виноват.

1924 - первая половина 1925 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!